

СВЯЩЕННИК ИВАН ТУНГУСОВ

ВЕРА И РОГУЖА
или
НАСТА, ПОЛЗНИ!

Skleněný
mustek
2016

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Иоанн Тунгусов 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-055-9

1

Нельзя, и будет неправильно оценивать, а тем более прогнозировать ситуацию современной России умозрительно, иными словами, только на основе рационального. Потому что Господь, Матерь Божия и все святые не оставляют нашу страну своим многовековым духовным попечением и милостью – через чудо.

Все черное, агрессивное, разрушительное, которое навязывается, вбивается ежедневно в сознание людей с целью обезоружить их духовно, особенно в крупнейших городах, есть не имеющее будущего зло. И оно, несомненно, опасно. Многие из нас это видят напрямую или подспудно чувствуют, подчас унывая от величины обрушившегося на нас бедствия, не зная, что могут противопоставить его размаху.

Спаситель сказал своим ученикам: «... невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк, 17:1). Мы же должны трезвиться и не соблазняться ни прелестями мира сего, ни унынием от умножения беззаконий. Ведь соблазн останется неустребованным, если никто ему не поддастся. Нужно ли говорить, что устоять будет легче, прибегая к защищающим Таинствам Матери-Церкви, укрепляясь ими, в противовес злу, в делании добрых дел. Ведь вера без дел мертва! Да и творить добро будет легче и радостней, если творящих его будет становиться все больше.

Действительно, порой мы даже не подозреваем, сколько добра разлит в душах наших соотечественников. Они возделывают его в простых, каждодневных делах: растят детей, учат их, радуются солнцу, небу, земле, на которой живут. Именно они – соль Земли. Их верой, их молитвой жива Россия. О них не говорят в СМИ. Их не пускают на ТВ. На них клеветают, не дают работы, неоднократно обманывают и грабят.

Но именно простые верующие во Христа – опора, фундамент и хребет страны. И горько мне, что говорят СМИ не о них. Я бы даже сравнил сегодняшнюю ситуацию в информационной среде с разглядыванием в увеличительное стекло паразитов на теле нашего государства, за которым и тела-то уже почти не видать. И кажется, что кроме этой грязи ничего и нет у нас. Но это далеко не так, ведь...

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женищина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И вплетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

Всмотримся же в лица поющих...

2

Алёна Евсеевна Рассказова к вере пришла относительно недавно. И это несмотря на тридцать лет деятельного соприкосновения с культурой, пронизанной этой самой верой. Собираание народного фольклора, этноса и преподавание всего собранного детям было основной ее работой. Учила-учила детишек, купалась в благодатном море-океане русского духа, да самого главного, оказывается, и не видала.

Вспоминала, как произошёл выбор дела всей её жизни:

– Не поступила в тот год на выбранный факультет. Ну, думаю, чтобы год не терять, поступлю пока в институт Культуры. А там конкурс подходящий только на народный хоровой факультет был. Думаю, потом видно будет. Переведусь, как только сумею, да и дело с концом. На первом же курсе повели на концерт народных коллективов.

И было там такое явление, как плакальщица. Ради него нас туда и привели. Послушайте, мол, вам это полезно будет не только для общего развития, но и для последующей профессиональной деятельности. Посмеялась я тогда про себя: мне-то это ни к чему. Не собираюсь я задерживаться у вас дольше одного курса... Но пошла – делать-то нечего. Сидим мы все в зале, а впереди да по бокам все люди солидные, дяди в пиджаках с авторитетными брюшками, на которых почивают галстуки дорогие.

И вот попели разные ансамбли, выходит плакальщица. Я с кривенькой ухмылочкой сижу, думаю: ну-ну, меня-то ты слезами своими фальшивыми не проймешь... Через пару минут сосед по креслу заёрзал как-то странно. Я сижу. Только в носу что-то щекотать начало. Почесала я нос-то, а сосед за платком в свой карман потянулся... Си-

дит, сопит уже как-то тяжело. Ну, думаю, такой большой, а сдался. Поняла я, значит, чем в нём все эти перемены вызваны.

Дальше – больше. Народ в зале засопел, задвигался, словом, стал вести себя похожим образом: кто носы чесал, а кто не стеснялся уже и слёзы утирать. Да и у меня – от общей атмосферы, наверное – в носу защипало, да и в душе некая перемена случилась... Минуты через четыре зал рыдал. Весь. Я вместе с ним.

После концерта всерьёз задумалась о явлении, свидетелем которому была только что. «Надо в этом попробовать разобраться», – решила я и осталась на народном факультете до получения диплома.

Много воды утекло с тех пор. Много собрано материала, наработано педагогического опыта. Выросли дети, пошедшие по той же стезе, но лет пять назад привычный уклад начал претерпевать серьёзные изменения.

Началось всё со случайного звонка однокурсника Вани Котлова, с которым связывали годы бесшабашной студенческой юности.

– Здравствуй, Алёна. Не узнаешь? – голос в трубке подкупал спокойными, доверительными нотками.

— Нет, кто это? – Алёна Евсеевна, отвлеченная звонком от репетиции, хотела было по привычке ответить дежурное: «Я сейчас занята, перезвоните позже», но не стала этого делать, позволив себе заинтересоваться голосом незнакомца.

– Это Иван Котлов. Помнишь такого?

– Ванька, привет! – вырвалось у Алёны, впрочем, довольно сдержанно. Накладывало отпечаток нахождение на репетиции. – Слушай, ты как? Где ты? Чем занимаешься? – Посыпались вопросы.

– Ну, правильное сейчас ко мне обращаться отец Иоанн. Я священник.

– О! Это как же тебя угораздило? – удивленно выпалила собеседница.

– Вот об этом я с тобой и хочу поговорить. Дело у меня к тебе. Когда удобно будет встретиться?

Воспроизведя в своей памяти образ приятеля, Алёна Евсеевна пыталась приладить к нему подходящие батюшкам атрибуты: бороду, рясу... И что там еще у них бывает.

– Встретиться... Сейчас... Завтра вечером тебе удобно? После девяти.

– Вполне. Ты где будешь в это время?

- У себя в клубе. Как раз занятия кончатся. Это на Заречье.
- Хорошо, я подъеду. Скажи точный адрес.

В оговорённый час встретились. Отец Иоанн имел при себе все внешние атрибуты, что подобает иметь священнику: шапочку-скуфью, бороду и рясу.

– Так вот ты каков?! – Алёна Евсеевна не без интереса смотрела на своего давнего знакомого, с которым не виделась со времени окончания института. А это, шутка ли, больше четверти века! Вглядываясь, старалась найти знакомые, не затёртые годами черты.

– Не удивляйся, все закономерно, – ответил отец Иоанн, привыкший к подобного рода удивлениям. – И наша с тобой встреча, быть может, не случайна. Готовься к переменам.

– Ох, и круто ты берёшь, Иван, – собеседница улыбнулась, и задор серо-голубых глаз выражал искреннюю, хотя и немного настороженную радость от встречи.

Алёна Евсеевна была хрупкой, невысокой женщиной, про которых говорят: «мал золотник, да дорог».

И поговорок подобного рода в запасе у Алёны было великое множество – тем более, что профессия располагала к их собиранию.

Но в последние годы новые поговорки попадались всё реже. И это не удивительно: быть может, они все уже оказались собраны ею?

От этого, а может оттого, что некоторое истощение наблюдалось и в других направлениях жизни, Алёна подспудно желала перемен.

Но она совсем не видела, откуда бы они могли к ней прийти. Так, некоторое внутреннее томление духа.

– Алёна, ты нужна нам, – без тени пафоса проговорил батюшка.

– Вот как? Кому «нам»?

– Вообще, России. А в частности – благотворительному фонду святого Иоанна Кронштадтского, в попечительском совете которого я состою.

– А где это? – недоуменно спросила Алёна.

– Это в Омском Прииртышье, – отец Иоанн выдержал паузу.

– Не далековато? – неуверенно спросила Алёна.

– Нет. В самый раз, – сухо и твёрдо ответил батюшка.

Весь вид отца Иоанна выражал спокойствие и уверенность в том, что он делал и говорил. За каждым его словом скрывалась некая величина, которая не давала никакой возможности сомнению подточить эту уверенность и спокойствие. Алёна слушала и понимала, что с тем